
П. В. ТРАВЕР

ИСТОРИЯ И ОБРАЗ КАБАКА И ТРАКТИРА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Часть 2. О русском пьянстве: предрассудки, грустная действительность или глубокая традиция*

Вторая часть статьи о питейной культуре в России посвящена обзору свидетельств европейских путешественников и российских архивных материалов о традиции пьянства в нашей стране. Делается вывод о том, что пьянство в России носило в основном ритуальный характер. Вопреки устоявшемуся стереотипу, русские люди массово употребляли алкогольные напитки во время народных гуляний, а в повседневности пьянство не было широко распространенным явлением.

Ключевые слова: *русское пьянство, национальный характер, традиции и обычаи, народные праздники, антикультурный феномен, социальное явление.*

Распространенным является мнение о необоримой страсти русских к спиртному. Полемика по поводу этого тезиса традиционно развивается в двух направлениях: с одной стороны, статистические данные о количестве потребляемого алкоголя, с другой – наблюдения и свидетельства современников и иностранных путешественников, не совпадающие со статистикой. Вторая дорога уводит уже в специфику национального самосознания и проблему культурных форм ее проявления. Каждый народ ассоциируется с определенными качествами и добродетелями. Самоидентификация вообще нуждается в сильных и выразительных доказательствах непохожести одного этноса на другой. В этом смысле склонность к потреблению спиртных напитков тоже может рассматриваться как отличительная черта того или иного народа. Литература свидетельству-

* Часть 1 см.: История и современность. – 2013. – № 1. – С. 90–109.

ет, что все европейские народы подвержены искушению алкоголем, но каждый пытается реабилитировать себя, осуждая других (о пьянстве в Европе см.: Flandrin 1983).

Если судить по описаниям иностранных путешественников, то окажется, что среди европейских народов именно русские отличались непомерной тягой к спиртному. А. Олеарий писал о том, что нигде нет такого пьянства, как в Московии (Olearius 1727). По его же свидетельству, «женщины так же напиваются, как и мужчины» (*Ibid.*: 18). О пьянстве женщин и даже детей мы читаем у Жана Струиса, посетившего Московию в 1668 г.: «Водку пьют мужчины и женщины в любое время. Пьют водку с перцем или без даже дети, не делая гримас, женщины тоже пьют не церемонясь, у всех на виду» (Struys 1681: 124). Иными словами, иностранцев поражали, на их взгляд, устрашающие размеры пьянства среди русских. Именно в этом и заключались непохожесть и отличие России от более умеренных европейских нравов. В глазах иностранцев пьянство уже с давних времен стало основной характеристикой русских. Еще во второй половине XVI в. П. Петрей писал: «...кто не пьет лихо, тому нет места у русских. Оттого у них в употреблении и поговорка, когда кто на их пиру не хочет ни есть, ни пить, они говорят тогда: “ты не ешь, не пьешь, не жалуешь меня”, и очень недовольны теми, которые не пьют так много как им хочется. А если кто пьет по их желанию, тому они доброжелательны, и он их лучший приятель» (Петрей 1867: 365). Особенно впечатляли иностранцев сцены пьяного разгула в праздничные дни. 16 декабря 1664 г. в Пскове голландец Николаас Витсен записал в своем дневнике: «Был день Николая <...> Люди шли по улицам, крестились и молились, перед иконами зажигали свечи <...> остаток дня они проводят в чрезмерном пьянстве <...> Я вышел на улицу из любопытства и видел, что весь народ пьян, и мужчины и женщины» (Витсен 1996: 61, 75). По мнению иностранцев, невоздержанность у русских проявлялась во всем, не только в потреблении алкоголя: «...В пище они крайне невоздержаны <...>, а в чувственных удовольствиях и пьянстве могут потягаться с кем угодно <...>» (Рейтенфельс 1997: 348). По мнению Астольфа де Кюстина, «невоздержанность достигает здесь таких пределов, что, например, один из самых популярных людей в Москве, любимец общества, еже-

годно недель на шесть исчезает неизвестно куда. На расспросы о его местопребывании отвечают: «Он уехал покутить и попьанствовать» – и такой неожиданный ответ никому не кажется странным» (Кюстин 1991: 596). Пьянство в глазах цивилизованного и образованного европейца оказывалось единственным развлечением, скорее даже забвением для «низшего класса», «так как у низшего класса народа в этом государстве нет всеоживляющего и подстрекающего двигателя – самолюбия, нет желания возвыситься и обогатиться, чтобы умножить свои наслаждения, то ничего не может быть однообразнее их жизни... ограниченнее их нужд и постояннее их привычек» (Сегюр 1989: 328). В 1838 г. Астольф де Кюстин писал: «Величайшее удовольствие русских – пьянство, другими словами – забвение. Несчастные люди! Им нужно бредить, чтобы быть счастливыми» (Кюстин 1991: 504, 588). Иными словами, с давних времен у иностранного наблюдателя сложилось мнение, что у русских «пьянство в их природе, пьянство их наслаждение» (Тубервиль 1990: 259).

Собственно, мнение, что русские чрезмерно увлекаются водкой, с легкостью воспринялось и утвердилось в сознании самих русских. Пьянство воспринималось в России одновременно как порок и как специфическая форма добродетели, философски доказывающая и эстетически аргументирующая сложившиеся к середине XIX в. особенности национального русского характера – известные всем широту души, добросердечие и вселенскую тоску по идеалу. Ф. Достоевский писал: «В России пьяные люди у нас самые добрые» (Достоевский 1958: 259).

В действительности многочисленные тексты, осуждающие пьянство, отражали только одну сторону действительности. Пьянство как социальное явление вообще может восприниматься и оцениваться по-разному в зависимости от существующих в каждом обществе традиций. Поэтому неудивительно, что наравне с пословицами, осуждающими пьянство: «Пить до дна – не видать добра» – ср. «Пей до дна, а на дне добро» (Снегирев 1995: 321), «Пьянство до добра не доводит» (Пословицы... 1961: с. 33), «Дали вина, так стал без ума» (Снегирев 1995: 82), «Кто пьет много вина, тот скоро сойдет с ума» (Там же: 193) – ср.: «Пей – да ума не пропей», «Кто чарки допивает, тот веку не доживает» (Там же: 197),

«Потерял честь хмелем» (Там же: 335) и т. д., – существует ряд пословиц с ровно противоположным содержанием. Пьянство связано с удовольствием: «Не пить, так на свете не жить», «Та выпьем, сердце, тут, на тим свете не дадут» (Иллюстров 1915: 421). Пить не недостаток и не порок: «Пьян да умен – два угодыя в нем», «Пьян об угол не ударится», «Пьяница проспится, а дурак никогда» (Пословицы... 1961: 33, 45). Через совместное распитие алкоголя поддерживаются социальные контакты: «Пьянство в ремесле не товарищ, а в могорце большой» (Там же), а пить до дна вообще сулит благополучие

и долгую жизнь: «Выпьем до дна, щоб не було ворогам добра», «Выпьем по повний, щоб наш вік був довгий» (Иллюстров 1915: 422). Вообще в русской традиции пить до дна считалось обязательным. Во время угощения на крестинах хозяин наливал полный стакан водки, чтобы было полно, то есть благополучно в доме (здесь лексически отмечена связь между полнотой стакана и символической полнотой дома: ср. выражение «дом – полная чаша»). Выпив водку, каждый должен был покатить стакан по столу – «не оставляли зла в стакане» (остатки спиртного осмыслялись как «зло» – знак недоброжелательства). Недопивать и недоедать в гостях не разрешалось: иначе хозяину «зло» оставляешь: «Пирог ешь, хозяйку тешь, а вина не пить хозяина не любить» (Там же: 420). Также важен в русской застольной культуре (и не только) обычай «пить за здоровье», который, по всей вероятности, имеет мифологические истоки. По-видимому, ритуальным прообразом задравной чаши является питье в честь божества. Характерно, что пьют именно за здоровье другого человека, а не за свое собственное: «Пьют для людей, а едят для себя» (Там же: 419). В принципе, необходимость равного причащения к спиртному напитку объясняется так же, как потребность делиться пищей и угощать гостей, – представлением о том, что пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом (Байбурин, Топорков 1990: 149). В этом контексте свидетельство П. Петрея о русском пире полностью соответствует существующей в русском обществе традиции распития алкоголя. То же касается и описания праздничного веселья в путевых записках Н. Витсена.

Материалы конца XIX в. красноречиво свидетельствуют о том, что традиция чрезмерно пить в праздник с течением времени не утратила своего значения. Если с православной точки зрения праздник предполагает посещение церкви, молитву, то народный идеал праздника включал буйное веселье, излишества в еде и питье.

Начиная с XI в. церковь выступает против пьянства, причем видит в нем не только бытовой порок, но и двоeverное служение богам. Церковная оценка пьянства как бесовского, антихристианского поведения способствовала сохранению его языческой символики и, в свою очередь, влияла на народную традицию. Поговорки «Для праздника Христова не грех выпить чарочку простого», «Кто празднику рад, тот до свету пьян», «В субботу на работу, в воскресенье на веселие» (Иллюстров 1915: 419) полностью подтверждаются свидетельствами из реальной жизни: «Крестьянин считает священной обязанностью напиться пьяным в праздник еще до обеда» (курсив мой. – П. Т.)» (АРЭМ. Ф. 7. Д. 517 [Калужская губ. Калужский у. 1899]). Информант из Вологодской губернии писал: «Употребление пива, водки не есть обыденное явление, оно связано главным образом с праздниками. <...> Беда в том, что мужик не умеет умеренно пить. Пьет до такой поры пока не упадет» (Там же. Ф. 7. Д. 173 [Вологодская губ. Грязовецкий у. 1899]).

Вообще в русской традиции пьянству придавалось героическое значение. В старинных песнях доблесть героя измерялась способностью перепить других и выпить невероятное количество вина (Славянский... 1987: 218). Чтобы достать корону, герой сказки ничего не просит: «Мне денег не надо, а дай мне волю на двенадцать дней в каждом кабаке пить вино» (Бурцев 1895: 2).

В этом смысле, по всей видимости, не случайным является тот факт, что в крестьянском быту особенно похвальным считалось пьянство для парня. Корреспонденты Калужской губернии писали: «Парень в очень редких случаях присутствует на общих гуляньях и посиделках трезвым. Обыкновенно такие выгоняются из собрания, *пьяному же всегда честь* (здесь и далее курсив мой. – П. Т.). На другой день пьяному рассказывают про его подвиги, *чем больше он буйствует и пьянствует, тем он славнее*. В трезвом виде,

для всякой славы парни лично передают девкам о своих подвигах, рассказывают как они пили водку в таком-то кабаке, потом у такого-то мужика, как накануне дрались и разошлись не помня себя. Со своей стороны сами парни стараются по возможности обхаживать больше деревень в пьяном виде для показа. Тоже предполагаемые у пьянствующего парня богатство и удалость служат шансом получить руку красивой и богатой девки» (АРЭМ. Ф. 7. Д. 121 [Вологодская губ. Вельский у. 1899]).

По сути, чтобы попытаться понять природу «русского пьянства», необходимо взять во внимание и «взгляд изнутри» на русскую действительность. В этом плане исключительно ценными являются архивные свидетельства о жизни русского крестьянства. Как сами крестьяне относились к пьянству? На практике пьянство ими не осуждалось. Корреспонденты из Вологодской губернии Вельского уезда так высказывались о народном пьянстве: «Пьяный мужик нашей местности *осуждается только членами собственной семьи* и то тогда, когда мужик пьет на свои деньги и в рабочее время (курсив мой. – П. Т.). Наоборот, хозяйке бывает приятно смотреть на мужика напившегося где-нибудь в гостях в свободное время». Жена считала «большим убытком для семьи», если муж возвращался из гостей непьяным, «потому что день прошел без работы и мужика не удовлетворили водкой». Соседи напившегося мужика *«одобряли и завидывали ему»*. Так, всякий крестьянин, часто пьющий водку, считался «счастливым и зажиточным, потому что пьянство предполагает присутствие в кармане денег». Чтобы показать свой достаток, зажиточные крестьяне всегда держали у себя водку и приглашали соседей. Когда же мужик напивался водки на стороне, то, придя домой, первым делом заявлял деревне, «что он пьян и барин, тогда как другие трезвые и работают» (АРЭМ. Ф. 7. Д. 121 [Вологодская губ. Вельский у. 1899]). Иными словами, пьянство ассоциировалось с достатком и благополучием, и поэтому, когда человек пьянствовал «от радости, достатка и удовольствия» и никому не мешал и не вредил, то к нему относились снисходительно. Строго порицали только в тех случаях, когда человек на выпивку воровал чужое, пропивал имущество и развратничал (Там же. Ф. 7. Д. 474 [Казанская губ. Спасский у. 1899]). В

то же время, если в общем отношении к пьянству было «добродушно-снисходительное, то появление в нетрезвом виде на сходке преследовалось строго». Также общим осуждением встречалось пьянство среди женщин: «Пьяная баба – черт» или «Пьяная баба – всякому жена» – говорят крестьяне» (Там же. Ф. 7. Д. 1445 [Рязанская губ. Зарайский у. 1898]).

Вообще, если судить по архивным материалам, то пили в основном по определенным поводам и в определенные дни. Информация о том, что крестьяне напивались в основном в праздник, а в будние даже редко и заходили в кабаки, встречается во многих архивных делах из разных губерний. Из Вологодской губернии писали, что «у нас кабаки бывают полны только по воскресеньям да праздничным дням. <...> Пьяниц, чтобы все тащились в кабаки еще нет ни одного (курсив мой. – П. Т.)» (АРЭМ. Ф. 7. Д. 299 [Вологодская губ. Кадниковский у. 1899]). Употребление водки переходило в пьянство в крестьянском быту редко и большей частью только у лиц, поступающих в мастера, или у тех, кто занимался торговлей и промыслами. Водку пили только при случаях, то есть во время праздников и прочих семейных торжеств (Там же. Ф. 7. Д. 216 [Вологодская губ. Грязовецкий у. 1898]). Корреспондент из Вятской губернии отмечал, что «постоянных пьяниц между крестьянами не замечается, так как крестьяне пьют много и безобразно только в свои деревенские праздники, на свадьбах» (Там же. Ф. 7. Д. 420 [Вятская губ. Малмыжский у. 1899]), а в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии «в будничные дни в кабаке крестьяне редко пьют водку, а только посидят и поговорят, а другие поиграют в карты и расходятся по домам» (Там же. Ф. 7. Д. 323 [Вологодская губ. Сольвычегодский у. 1899]). О некоторых местностях даже писали, что «народ трезвый и в кабаки ходить не любит» (Там же. Ф. 7. Д. 533 [Калужская губ. Козельский у. 1899]).

Иными словами, архивные материалы конца XIX в. выявляли намного более оптимистическую картину жизни русской деревни, нежели газетные статьи и данные антиалкогольных обществ, представлявшие ужасающую картину распространения пьянства среди населения. Несогласие с газетной информацией выражали и сами

помещики. Так, А. Энгельгардт писал в своих воспоминаниях: «Послушать, что говорят разные газетные корреспонденты, так, кажется, и хозяйничать нельзя. Мужик и пьяница, и вор, и мошенник, условий не выполняет... ленив и пр. Ничего этого нет» (Энгельгардт 1999: 32–33, 95).

В этом контексте любопытно привести мнение французского путешественника Виктора Тиссо о русском пьянстве: «Чего только не говорится о русском пьянстве! А на самом деле пристрастие русских к алкоголю не столько порок, сколько естественная потребность, порожденная суровым климатом и тяжелыми бытовыми условиями, в которых живут низшие слои общества. Русский мужик не беспросветный пьяница. Рабочие и мужики пьют много только в праздники, а в остальное время могут и почти не пить» (Tissot 1882: 325).

О традициях и причинах потребления спиртных напитков можно писать много, но эта тема не является основной в настоящей работе. В то же время представить, возможно, несколько иной взгляд на русскую действительность, не делая глобальных выводов, нам показалось целесообразным. По сути, затрагивая тему пьянства, необходимо учитывать, что способы питья спиртных напитков оказываются чрезвычайно устойчивыми и могут сохраняться даже в тех случаях, когда народ в силу изменившихся природно-хозяйственных условий переходит к другому напитку, как это произошло в России с введением в употребление водки. Вопрос о потреблении спиртного исключительно многогранен и вряд ли поддается однозначной интерпретации. Не только существующая традиция определяет отношение к потреблению алкоголя. Развивая представления о содержательной стороне в отношении алкоголепотребления, следует иметь в виду оценочный критерий при рассмотрении алкогольных обычаев. Будучи несомненным элементом культуры эпохи, потребление алкоголя в зависимости от господствовавших в данном обществе взглядов может оцениваться как антикультурный феномен или же как вполне приемлемое социальное явление.

Литература

- Байбурин, А., Топорков, А.** 1990. *У истоков этикета*. Л.: Наука.
- Бурцев, А. Е.** 1895. *Деревенские сказки крестьян Вологодской губернии*. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга.
- Витсен, Н.** 1996. *Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник*. СПб.: Symposium.
- Достоевский, Ф. М.** 1958. Братья Карамазовы. В: Достоевский, Ф. М., *Собр. соч.*: в 10 т. Т. 9. М.: ГИХЛ.
- Иллюстров, И.** 1915. *Жизнь русского народа по пословицам и поговоркам*. СПб.
- Кюстин, А. де.** 1991. Россия в 1838 году. В: Лимонов, Ю. А. (ред.), *Россия первой половины XIX века глазами иностранцев*. Л.: Лениздат.
- Петрей, П.** 1867. *История о Великом княжестве Московском*. М.
- Пословицы**, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв. / подг. М. Мельц, В. Митрофанова, Г. Шаповалова. М.; Л., 1961.
- Рейтенфельс, Я.** 1997. Сказания святейшему герцогу Тосканскому, Козьме Третьему о Московии. 1680 г. *История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв.* М.
- Сегюр, К.-К.** 1989. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины Второй. *Россия XVIII века глазами иностранцев*. Л.
- Славянский фольклор**. М.: МГУ, 1987.
- Снегирев, И.** 1995. *Русские народные пословицы и притчи*. М. (репринт издания: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848).
- Тубервиль, Дж.** 1990. Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века. *Записки о России. XVI – начало XVII века*. М.
- Энгельгардт, А.** 1999. *Из деревни: 12 писем. 1872 – 1887*. СПб.
- Flandrin J.- L.** 1983. *Boissons et manières de boire en Europe du XVIe au XVIIIe siècle. Imaginaire du vin*. Marseille.
- Olearius, A.** 1727. *Voyages très-curieux & très-renomez faits en Moscovie, Tartarie et Perse*. Amsterdam: Librairie Michel Charlesle Cene.
- Struys, J.** 1681. *Les voyages de Jean Struys en Mofcovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres pays etrangers*. Amsterdam.
- Tissot, V.** 1882. *La Russie et les Russes. Indiscrétions du voyage*. Paris.

Архивы:

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.